

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 141–157, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.222

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-141-157

О некоторых особенностях конструкции и покроя хулагуидских, чагатайских и тимуридских пластинчато-нашивных и пластинчато-клепанных доспехов XIV–XV вв.

Леонид Александрович Бобров¹, Айболат Кайрслямович Кушкумбаев²

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: [spsm1\[at\]mail.ru](mailto:spsm1[at]mail.ru)

² Научный институт изучения Улуса Джучи (д. 2, блок 1, оф. 8, ул. Туркестан, 010016 Астана, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-7276-4849. E-mail: [aibolat7\[at\]mail.ru](mailto:aibolat7[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрены пластинчатые панцири с внутренним бронированием воинов Хулагуидского Ирана, Чагатайского улуса и империи Тимуридов. В современном оружейведении подобные доспехи известны, как «куяки» или «бригандины». *Цель* исследования — выявить особенности конструкции и покроя некоторых разновидностей хулагуидских, чагатайских и тимуридских «куяков» XIV–XV вв. *Результаты.* Сопоставление археологических и изобразительных материалов позволило выдвинуть гипотезу о существовании особой разновидности комбинированных «куяков», в которых часть пластин приклепывалась, а часть пришивалась к органической основе доспеха с ее внутренней стороны. Такие клепано-нашивные панцири могли применяться воинами Хулагуидского Ирана в конце XIII в. – начале XIV в. В исторической перспективе подобные доспехи могли являться переходным звеном между пластинчато-нашивными панцирями XIII в. и пластинчато-клепанными «бригандинами» более позднего периода. На основании комплексного анализа письменных, изобразительных и вещественных материалов также установлено, что в конце XIV–XV вв. в Мавераннахре, Хорасане и сопредельных территориях получила распространение особая разновидность пластинчато-клепанных доспехов, сочетавших бронированный корпус и длинный небронированный подол. Столь необычный покрой панциря был обусловлен появлением и распространением новой разновидности кольчато-пластинчатых набредренников «дызлык-бутлук», которые снизили актуальность тяжелых бронированных подолов центральноазиатского образца. Учитывая ареал распространения подобных доспехов, они могут быть условно обозначены, как «куяки тимуридского типа». *Выводы.* Вытеснение пластинчато-клепанных панцирей «тимуридского типа» из военного обихода народов Средней Азии было вызвано сменой местной военно-культурной традиции в результате крушения государств Тимуридов в начале XVI в.

Ключевые слова: Хулагуиды, Чагатайский улус, Тимуриды, чагатайский доспех, тимуридский доспех, «куяк», «бригандина»

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

Для цитирования: Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К. О некоторых особенностях конструкции и покроя хулагуидских, чагатайских и тимуридских пластинчато-нашивных и пластинчато-клепанных доспехов XIV–XV вв. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 141–157. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-141-157

Hulaguid, Chagatai and Timurid Armor Garments with Internally Sewn and Riveted Plates, Fourteenth–Fifteenth Centuries: On Some Features of Design and Cut

Leonid A. Bobrov¹, Aibolat K. Kushkumbayev²

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

² Institute for the Study of the Ulus of Jochi (Office 8, 2/1 Turkestan St., 010016 Astana, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-7276-4849. E-mail: aibolat7[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., 2024

Abstract. Introduction. The paper considers body armor patterns with hidden plates worn by warriors of Hulaguid Iran, Chagatai Ulus, and the Timurid Empire. In contemporary weapon studies, such armor is known as ‘kuyak’ or ‘brigandine’. **Goals.** The study aims at identifying features of design and cut inherent to some types of Hulaguid, Chagatai and Timurid ‘kuyaks’ from the fourteenth–fifteenth centuries. **Results.** Comparative insights into archaeological and graphic materials yield a hypothesis there may have existed a special variety of combined ‘kuyaks’ with some plates riveted and some sewn to an organic backing on the inside. Such armor garments could have been used by warriors of Hulaguid Iran in the late thirteenth or early fourteenth centuries. From a historical perspective, such armors could be a variation between thirteenth-century armor garments with sewn-in plates and — ‘brigandines’ with riveted-in plates of the subsequent era. Our comprehensive analysis of written and graphic data also concludes that the late fourteenth and fifteenth centuries in Transoxiana, Khorasan and adjacent territories were characterized by a widespread occurrence of special plated-and-riveted armors combining an armored torso part and a long unarmored skirt. The unusual design resulted from the appearance and spread of a new mail-and-plate hip defense element referred to as ‘dyzlyq-butluq’, which made the heavy armored Central Asian skirts not that relevant. In view of the armors’ distribution area, they can be labeled as ‘Timurid-type kuyaks’. **Conclusions.** The replacement of ‘Timurid-type’ armors (with riveted-in plates) from combat practices of Central Asian peoples was caused by a change in the local military-cultural tradition in the aftermath of collapses of the Timurid states throughout the early sixteenth century.

Keywords: Hulaguids, Chagatai Ulus, Timurids, Chagatai armor, Timurid armor, ‘kuyak’, ‘brigandine’

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. ИРН BR18574101.

For citation: Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K. Hulaguid, Chagatai and Timurid Armor Garments with Internally Sewn-and-Riveted Plates, Fourteenth–Fifteenth Centuries: On Some Features of Design and Cut. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 141–157. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-141-157

1. Введение

Магистральным направлением эволюции пластинчатых доспехов восточной и значительной части центральной Евразии в период позднего Средневековья и раннего Нового времени стал процесс постепенного замещения пластинчато-ременных (ламельлярных, ламинарных) панцирей их пластинчато-нашивными и пластинчато-клепанymi аналогами¹. В Западной Европе этот новый тип корпусной брони стал обозначаться термином «бригандина» (англ. brigandine, нем. brigantine), а у тюркских народов и на Руси — «куяк» (от монг. *хуяг*)². Отличительной особенностью эталонных образцов таких доспехов является конструкция защитного покрытия, при которой панцирные пластины крепились к плотной органической (как правило, многослойной) основе с ее внутренней стороны [Бобров, Ожередов 2021: 26–37; Бобров, Зозуля 2022: 121].

Конец доминированию пластинчато-клепанных панцирей в Западной Европе положил латный доспех, а в мусульманском мире — кольчато-пластинчатая броня. Однако на востоке континента пластинчато-клепанные панцири не только не утратили популярности, но даже расширили первоначальный ареал своего распространения. В середине XVII – первой половине XIX вв. они превратились в преобладающую разновидность металлического доспеха воинов Китая, Маньчжурии, Кореи, Южной и Северной Монголии, Саяно-Алтая, Байкальского региона и некоторых других территорий.

Тема эволюции азиатских «бригандин» и «куяков» неоднократно становилась объектом оружейно-исторических исследований. Однако данная проблематика изучена весьма неравномерно. Большинство профильных работ посвящено пластинчато-нашивным и пластинчато-клепанным доспехам Китая, Маньчжурии, Монголии и Южной Сибири, в то время их аналоги, происходящие с территории мусульманского Востока, долгое

¹ Причины этого феномена были разобраны нами в более ранней работе [Бобров, Ожередов 2021: 33–37].

² В настоящей работе термины «бригандина» и «куяк» используются как синонимы.

время не привлекали должного внимания специалистов.

Цель статьи — выявить особенности конструкции и покроя некоторых разновидностей хулагуидских, чагатайских и тимуридских пластинчато-нашивных и пластинчато-клепанных доспехов XIV–XV вв.

2. Материалы и методы

Всестороннее изучение защитного вооружения интересующего нас региона возможно на основе комплексного анализа вещественных (в том числе археологических), изобразительных и письменных источников. Особый интерес представляют тебризские, гератские и ширазские книжные миниатюры XIV–XV вв., которые достаточно точно отображают особенности защитного вооружения воинов региона анализируемого периода [Gorelik 1979: 31–51, 56–63; Горелик 1983: 245–268; Горелик 1987: 172–176, 178–202].

При системном анализе доспехов в современном российском оружейноведении применяются три классификации: первая для защитных элементов (панцирных пластин и колец), вторая — для защитного покрытия в целом (как совокупности защитных элементов), третья — для покроя панцирей. Принципы классификации защитных элементов и панцирей были подробно описаны нами в более ранних исследованиях [Бобров, Худяков 2008: 366–410; Бобров, Ожередов 2021: 12, 13]. В настоящей статье кратко охарактеризуем принципы классификации защитного покрытия.

Для описания конструкции защитного покрытия нами были введены понятия «структура бронирования» и «панцирный набор». Структура бронирования определяется по системе соединения защитных элементов (пластин, колец) между собой и (или) органической основой. «Панцирные наборы» выделяются внутри структур бронирования на основе формы, размеров, пропорций и особенностей расположения защитных элементов.

На протяжении интересующего нас периода на территории Передней, Средней, Центральной и континентальной Восточной Азии применялись пять основных структур

бронирования с соответствующими им панцирными наборами:

1) пластинчато-ременная структура бронирования («ламеллярный», «ламинарный», «ламинарно-ламинарный» наборы и др.);

2) пластинчато-нашивная структура бронирования («чешуйчатый» набор, «шаньвэнь цзя»¹, «куяшный» пластинчато-нашивной набор и др.);

3) пластинчато-клепанная структура бронирования («куяшный» или «бригандинный» пластинчато-клепанный набор, ламинарный набор с заклепочным соединением и др.);

4) кольчатая структура бронирования («кольчужный», «пансырный», «байданый» наборы);

5) кольчато-пластинчатая структура бронирования («бехтерный», «юшманый», «калантарный», «зерцальный» наборы).

Под пластинчато-нашивным набором мы понимаем разновидность защитного покрытия, в рамках которой защитные элементы (в данном случае — панцирные пластины) пришиваются к органической основе с помощью ремешков, нитей и др.

Под пластинчато-клепанным набором мы понимаем разновидность защитного покрытия, при которой защитные элементы (в данном случае — панцирные пластины) крепятся к органической основе доспеха с помощью металлических заклепок. В подавляющем большинстве случаев пластины приклепывались с внутренней стороны органической основы таким образом, что посторонний зритель мог видеть лишь ряды шляпок заклепок на лицевой стороне доспеха.

3. Основные направления эволюции пластинчато-нашивных и пластинчато-клепанных азиатских доспехов развитого и позднего Средневековья

По данным М. В. Горелика, пластинчато-нашивные панцири с внутренним бронированием впервые появились в Китае в VIII в., как придворный парадный военный костюм, в котором роскошь придворного одеяния сочеталась с защитными функци-

¹ «Шаньвэнь цзя» — китайская разновидность пластинчато-нашивного доспеха с внешним бронированием, при котором лицевая сторона панциря обшивалась мелкими трехлучевыми пластинками.

ями панциря [Горелик 1987: 183]. Однако по-настоящему широкое распространение они получили в период развитого и особенно позднего Средневековья. В XIV–XV вв. пластинчато-нашивные и пластинчато-клепанные доспехи были распространены на огромных пространствах Евразии от атлантического побережья до Желтого моря и от сибирской тайги до Индийского океана².

В настоящее время затруднительно сказать, восходят ли пластинчато-нашивные доспехи XIII в. непосредственно к танским придворным панцирям раннего Средневековья. На наш взгляд, наиболее популярные разновидности пластин ранних центральноазиатских и южносибирских «куяков» (в первую очередь прямоугольные пластины с 2–3 парами отверстий³) могут являться результатом эволюции больших цзиньских (чжурчжэньско-китайских) ламеллярных пластин второй половины XII – первой трети XIII в., имевших схожий принцип размещения отверстий [Артемьева, Прокопец 2012: 136 (рис. 4, 1–40), 138, 139]. Со временем они достигли столь внушительных размеров, что ламеллярный способ соединения пластин с помощью кожаных ремешков стал неудобен, и их начали нашивать на органическую основу

Анализ вещественных материалов показал, что на протяжении периодов развитого и позднего Средневековья, а также раннего Нового времени анализируемые нами структуры бронирования активно эволюционировали. Основные изменения затрагивали способ соединения пластин с органической основой, а также конструкцию самих пластин [Бобров, Ожередов 2021: 27].

Эволюция крепежной системы определялась поиском оптимальной формы соединения металлических и органических

² Весьма вероятно, что распространению данных структур бронирования в Передней Азии и Европе способствовали монголы и их южносибирские вассалы, среди которых пластинчато-нашивные доспехи пользовались значительной популярностью [Горелик 1983: 251–255; Горелик 1987: 167, 183, 184; Худяков 1997: 19–21].

³ См. илл. 1: 1. Подобные пластины с шестью отверстиями являются одной из основных разновидностей пластин южносибирских «куяков» XIII – середины XIV вв. [Бобров, Ожередов 2021: 27–29].

деталей доспеха. Первоначально пластины нашивались на внутреннюю или внешнюю сторону органической основы «куяка» с помощью шнуров, ремешков или нитей. Для этого в них проделывались специальные (часто парные) отверстия, через которые и пропускались шнуры (см. илл. 1: 1). Однако позднее пластины стали приклепывать к органической основе панциря с помощью металлических заклепок (см. илл. 1: 2). Подобное крепление оказалось более функциональным и надежным, что и обусловило его преобладание в XV–XVIII вв. При этом часть пластин от пластинчато-нашивных доспехов подверглась модернизации, в ходе которой они были снабжены заклепками [Бобров, Ожередов 2021: 29]. Такие модернизированные пластины использовались уже в составе более совершенных пластинчато-клепаных доспехов (см. илл. 1: 3).

До нашего времени дошли не только отдельные экземпляры, но и целые наборы «куяшных» пластин XIII–XV вв. Численно преобладают наборы, состоящие из пластин либо с нашивной, либо заклепочной системой крепления к органической основе¹. Однако среди известных нам материалов встречаются и наборы, в которых пластины с отверстиями для пришивания сочетаются с пластинами с заклепками. К их числу относятся не только случайные находки конца XX – начала XXI в. с территории Южной Сибири и Монголии, но и такие эталонные образцы, как, например, знаменитый набор «куяшных» пластин с Абаканского железного рудника, также известный как «Абазинский доспех» [Сунчугашев 1979: 133, 134, табл. XXVI, рис. 4–8; Худяков 1980: 123–125; Горелик 1987: 167, рис. 23, 184]. Не исключено, что в указанных случаях мы имеем дело не с целыми доспехами, а с так называемыми «оружейными кладами», в которых новые пластины с заклепками могли дополняться более ранними нашивными аналогами. Однако возможна и иная версия подобных находок. В частности они могут быть интерпретированы как остатки «куяков» переходного периода, в которых нашивная система крепления пластин могла сочетаться с заклепочной.

¹ В составе последних нередко фиксируются модернизированные пластины с отверстиями и заклепками [Бобров, Филиппович 2023: 103, 107–111, 115–118].

4. Хулагуидские «куяки» начала XIV в.

Косвенным подтверждением возможности существования комбинированных клепапно-нашивных доспехов, на наш взгляд, могут служить изображения «куяков» на тебризских миниатюрах начала XIV в. Наибольший интерес для нашего исследования представляют миниатюры из «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, хранящиеся в фондах Эдинбургского университета (см. илл. 1: 4–8). В научной среде ведутся дискуссии относительно времени выполнения данного варианта «Джами ат-таварих». По одной версии, работа над списком была завершена в 1306 г. (возможно, в 1306–1308 гг.), согласно второй — в 1314–1315 гг. Так или иначе, но практически все исследователи сходятся на том, что, независимо от сюжетов миниатюр, при изображении воинов художник вдохновлялся образом панцирников монгольской династии Хулагуидов, правившей Ираном со второй половины 50-х гг. XIII в. до середины 30-х гг. XIV в.

На известных нам миниатюрах «куяки» показаны четыре раза (см. илл. 1: 5–8)². Они изображены в виде распашных халатов с широкими и длинными (до колен или ниже) набедренниками и листовидными наплечниками³. Последние доходят до локтя и составляют единое целое с корпусным панцирем.

² Гипотетически «бригандина» может быть изображена еще на одном рисунке (см. илл. 1: 4). Однако в отличие от указанных случаев заклепки на этом панцире тщательно не прорисованы, а принимаемые за них цветные точки в мелких ячейках могут являться узорами на поверхности органической основы доспеха. Стилистика и особенности передачи данного образца защитного вооружения не позволяют уверенно отнести его именно к пластинчато-клепаным «куякам», а не, например, к стеганым «хатангу дэ-гэль», покрытым узорчатой тканью с ячеистым (сотовидным) рисунком. Стоит отметить, что на других миниатюрах рассматриваемой хроники подобным ячеистым узором украшены матерчатая обивка спинки трона полководца Бахрама Чубина (см. илл. 1: 6), ковры, покрывающие спины слонов и др.

³ Не исключено, что в одном случае изображен доспех, скроенный в виде распашной куртки с осевым разрезом, наплечниками и коротким подолом до бедер (см. илл. 1: 7). Однако уверенно утверждать этого нельзя, так как край подола скрыт боковой стенкой трона правителя.

Илл. 1. Панцирные пластины от «куяков» XIII–XV вв. и изображения хулагуидских доспехов начала XIV в.: 1 — пластина с отверстиями для пришивания к органической основе панциря; 2 — пластина с заклепками; 3 — модернизированная пластина для пришивания, дополненная заклепками; 4–8 — «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, 1306–1308 гг. или 1314–1315 гг., Эдинбургский университет [Ill. 1. Armor plates of thirteenth–fifteenth century 'kuyaks' and images of early fourteenth century Hulaguid armor sets: 1 — a plate with holes to be sewn through onto some organic base; 2 — a plate with rivets; 3 — a modernized plate to be sewn in, supplemented with rivets; 4–8 — *Jami at-Tawarikh* by Rashid al-Din, 1306–1308 or 1314–1315, University of Edinburgh]

Края наплечников (а в двух случаях и — подола) оформлены округлыми фестонами. Там, где воины обращены лицом к зрителю, видно, что доспехи имеют сплошной осевой разрез (см. илл. 1: 6, 8). Верхняя часть наспинника «куяка» украшена характерным узором в виде стилизованной летящей птицы (илл. 1: 5)¹. Не исключено, что эта желтая нашивка окаймляет дополнительный короткий разрез на наспинной части доспеха². Желтая окантовка также пропущена по краю наплечников, подола и осевого разреза. В одном случае край подола оформлен двойным желтым кантом. Пространство между ними заполнено флоральным узором (см. илл. 1: 8). Доспехи крыты тканью светло-желтого (см. илл. 1: 5), светло-голубого (см. илл. 1: 6) или белого (см. илл. 1: 7, 8) цвета. Материя украшена густым растительным орнаментом в виде цветочных бутонов и листьев, вышитых красными, сиреневыми и зелеными нитями соответственно.

На то, что перед нами не обычные стеганые «хатангу дэгэль», а панцири, снабженные пластинчатым подбоем, указывают ряды заклепок на поверхности доспехов. Последние окрашены художником в желтый цвет. Не исключено, что подобным образом мастер попытался передать их блестящую (медную, позолоченную?) поверхность³.

Однако заклепки расположены не по всей поверхности «куяков» (как на их позднейших аналогах), а покрывают доспех лишь частично. В первом случае они изображены на нижней части наплечников, нижней части спины и нижней части подола (см. илл. 1: 5), во втором случае заклепки показаны на верхней части наплечников,

верхней части бедра и голени (см. илл. 1: 6), на третьем панцире заклепки покрывают нижнюю часть наплечников, верхнюю часть груди и живот (см. илл. 1: 7), а на четвертом доспехе — лишь верхнюю часть наплечников и нижнюю часть набедренника (см. илл. 1: 8).

Представляется возможным предложить два варианта реконструкции защитного покрытия подобных доспехов. Согласно первой, перед нами стеганый панцирь «хатангу дэгэль», усиленный железными пластинами с заклепками. Однако в этом случае непонятно, почему состоятельные воины и полководцы оставили без пластинчатой защиты те части тела, которые могут оказаться наиболее уязвимыми в бою: плечи, верхняя часть корпуса и бедра — в первом случае; локти, живот и колени — во втором, плечи и нижняя часть груди — в третьем, весь корпус, локти и большую часть бедер — в четвертом. Кроме того, сам факт сколько-нибудь широкого распространения стеганых на вате доспехов, усиленных железными пластинами, является предметом научной дискуссии. Органическая основа практически всех известных азиатских пластинчато-нашивных и пластинчато-клепаных «куяков» выполнена из нескольких слоев ткани (иногда комбинированных с тонкой кожей), но не имеет толстой ватной прокладки. С другой стороны, дошедшие до нашего времени стеганые ватные панцири, как правило, лишены пластин панцирного подбоя⁴.

Это позволяет рассмотреть вторую версию интерпретации указанных изображений. Согласно ей, на изучаемых тебризских миниатюрах показаны комбинированные доспехи, сочетающие нашивную и заклепочную систему крепления пластин. В этом случае под лишенной заклепок поверхностью панциря также скрываются железные пластины, которые, однако, не приклепаны, а пришиты с внутренней стороны органической основы доспеха (см. илл. 1: 1). Подобная гипотеза объясняет наличие в одном археологическом памятнике как пластин с нашивным, так и с заклепочным соединением. Однако в этом случае возникает вопрос:

⁴ Позднейшие цинские стеганые доспехи-олбо XVIII–XIX вв. могли снабжаться декоративными заклепками, но опять же без панцирных пластин с внутренней стороны органической основы.

¹ Этот орнаментальный мотив (каз. *кузкана-ты*) сохраняется у монгольских и тюркских кочевников вплоть до этнографического времени.

² Возможно, что таким образом оформлялись доспехи, имевшие туникообразный покрой и одевавшиеся через голову. Для облегчения одевания шейный вырез снабжался короткими разрезами на нагрудной и наспинной части доспеха. Скроенные подобным образом стеганые панцири изображены на миниатюрах рассматриваемой летописи «Джами ат-таварих».

³ На одном из «куяков» панцирные заклепки выполнены желтой краской, но не обведены черным контуром, из-за чего их можно заметить лишь при детальном осмотре миниатюры (см. илл. 1: 8).

по какой причине разные части доспеха бронировались пластинами с разной системой крепления? Ответить на него, возможно, позволит предметная реконструкция подобных комбинированных клепано-нашивных пластинчатых доспехов.

Если наше предположение верно, то в исторической перспективе клепано-нашивные «куяки», вероятно, представляют собой промежуточное звено между пластинчато-нашивными и пластинчато-клепанскими панцирями. Судя по материалам миниатюр «Джами ат-таварих», на территории Хулагуидского Ирана они применялись в конце XIII – начале XIV в. Стоит обратить внимание на тот факт, что в это время «куяки» в регионе, по всей видимости, имели ограниченное распространение. Во всяком случае, на несколько десятков изображений воинов в ламеллярных, ламеллярно-ламинарных и стеганых доспехах на миниатюрах «Джами ат-таварих» приходится лишь четыре достоверных изображения панцирников в «куяках».

В то же время значительный интерес представляет тот факт, что подобные доспехи относились к комплексу защитного вооружения знати и наиболее состоятельных воинов. На это указывает как богатая отделка «куяков», так и тот факт, что на миниатюрах рукописи их носят весьма высокопоставленные персонажи — элитный воин (командир или поединщик?) армии Пенджаба (см. илл. 1: 5), знаменитый полководец и завоеватель Махмуд Газневи (см. илл. 1: 6), а также панцирники из его окружения (см. илл. 1: 7, 8).

5. Тимуридские пластинчато-клепаные доспехи конца XIV–XV в.

Второй вопрос, который бы хотелось рассмотреть в рамках настоящей работы, связан с особенностями бронирования и покроя тимуридских «куяков» конца XIV–XV в.

К этому времени пластинчато-клепаные панцири были уже широко представлены в комплексе защитного вооружения воинов Средней и Передней Азии. Судя по данным вещественных, изобразительных и письменных источников, именно «куяки» вместе с кольчугами стали основными разновидностями корпусного металлического

доспеха панцирников Мавераннахра и Хорасана последней трети XIV–XV вв.

Интересное описание среднеазиатских пластинчатых доспехов начала XV в. оставил кастильский посол Руй Гонсалес де Клавихо, который в 1404–1406 гг. совершил поездку в Самарканд и был принят лично Амиром Тимуром. В столице великого завоевателя кастильского дипломата особо заинтересовал знаменитый замок Кок-Сарай, где Тимур «...содержал до тысячи пленных мастеров, *которые делали латы* (здесь и далее курсив наш. — Л. Б., А. К.), шлемы, луки, стрелы и круглый год работали на него» [Клавихо 1990: 140, 194]. После того, как Амир Тимур вернулся из многолетнего похода, он «...приказал нести перед ним все оружие, которое сделали его пленники после того, как он ушел из города. Среди этого оружия несли *три тысячи пар лат, украшенных красным сукном, хорошо исполненных*; только они не делают их очень крепкими и не умеют закалять железо. Потом принесли перед [сеньором] много шлемов; в тот день Тамурбек распределил эти шлемы и латы и роздал их кавалерам и прочим особам ... *а латы сделаны так же, как и наши, только у них низ из иной ткани и виден изпод лат, как рубашка*» [Клавихо 1990: 141].

Данный вариант перевода, выполненный И. С. Мироковой, можно уточнить, сопоставив его с оригинальным испанским текстом «Vida y hazañas del Gran Tamorlán, con la descripción de las tierras de su imperio y señorío» изданном в Севилье в 1582 г. [Clavijo 1582: 59a]¹. Кроме того известный интерес представляет сравнение перевода И. С. Мироковой с более ранним русским переводом И. И. Срезневского и английским переводом Г. Ле Стрэнджа [Жизнь и деяния 1881: 334; Clavijo 1928: 293].

Словом «латы» И. С. Мирокова передала испанский термин «fojas». Однако в действительности его значение несколько более узкое — «листы» / «пластины», т. е. «fojas» в данном контексте — это «пластинчатые доспехи»². На Пиренейском полуострове

¹ Авторы выражают благодарность директору Центра испанского языка и культуры Новосибирского государственного университета И. А. Сухининой за помощь в интерпретации некоторых испанских слов и выражений, приведенных в настоящей публикации.

² Ср. с переводом Г. Ле Стрэнджа, который

во второй половине XIV–XV вв. термином «fojas» обычно обозначались пластинчато-клепаные панцири с внутренним бронированием, т. е. «бригандины». Косвенным подтверждением подобной интерпретации служит упоминание Р. Г. де Клавихо о том, что «fojas» были «украшены («укрыты»?) красным сукном», т. е., вероятно, имели внешнее матерчатое покрытие красного цвета. Стоит также отметить, что в конце XIV – начале XV в. европейские и мусульманские «бригандины», были, действительно, весьма близки как по своей конструкции, так и системе декоративного оформления, в то время как другие виды и типы пластинчатых азиатских доспехов (ламеллярные, ламинарные, кольчато-пластинчатые) существенно отличались от синхронных образцов западноевропейского защитного вооружения. Тот факт, что Р. Г. де Клавихо подчеркивает сходство чагагайских и кастильских «fojas», позволяет предположить, что под ними в данном случае понимались именно пластинчато-клепаные «бригандины».

Однако наибольший интерес для темы настоящего исследования представляет сообщение Р. Г. де Клавихо об особенностях конструкции и покроя упомянутых пластинчатых доспехов: «...las fojas son fechas como las nuestras, *saluo q an vnas faldas luengas de otro pano que salen de baxo delas fojas como camissas*» [Clavijo 1582: 59a].

Данную фразу И. С. Мирокова перевела следующим образом: «...латы сделаны так же, как и наши, *только у них низ из иной ткани и виден из-под лат, как рубашка*» [Клавихо 1990: 141].

У И. И. Срезневского тот же пассаж переведен несколько иначе: «...латы сделаны так же, как наши, *только у них спускается полоса из другой ткани и видна из-под лат как рубашка*» [Жизнь и деяния 1881: 334].

Еще одну возможную интерпретацию текста Р. Г. де Клавихо предложил Г. Ле Стрэндж: «These suits of plate-armour are composed very much as is the custom with us in Spain, *but they wear a long skirt, made of a material other than that is plate-armoured, and this comes down so as to appear below, as might be with us a jerkin*» [Clavijo 1928: 293].

Таким образом, главным отличием чагагайско-тимуридских «fojas» от испанских перевел «fojas» на английский язык как «plate-armour» [Clavijo 1928: 293].

пластинчато-клепанных доспехов были некие «faldas», видневшиеся или спускавшиеся из-под корпусного панциря, наподобие «длинной юбки» («long skirt» у Г. Ле Стрэнджа).

Действительно, характерной особенностью азиатских «бригандин» по сравнению с европейскими аналогами был длинный бронированный подол, доходивший до колен или до середины голени (см. илл. 1: 5, 6, 8). Однако из описания Р. Г. де Клавихо видно, что «faldas» показанных Амиру Тимуру доспехов были выполнены из ткани и, в отличие от корпусной части панциря, по всей видимости, не были бронированы железными пластинами.

Для того чтобы понять, о чем идет речь в рассматриваемом тексте, следует обратиться к изобразительным и вещественным источникам. Анализ изображений XIV в. свидетельствует, что воины Передней и Средней Азии данного периода использовали два основных варианта покроя «бригандин». В первом случае панцирь представлял собой короткую кирасу или жилет, дополненный наплечниками (или нарукавьями) и набедренниками [Бобров 2023: 470, илл. 2: 2]. Во втором — «куяк» был скроен в виде халата с длинным подолом (илл. 1: 5, 6, 8). Однако во всех указанных случаях как набедренники, так и подол были бронированы панцирными пластинами, что не соответствует описанию Р. Г. де Клавихо.

Интересующий нас покрой пластинчато-клепанных доспехов можно увидеть на более поздних книжных миниатюрах, датированных XV в. (см. илл. 2; 3).

Наиболее подробные и достоверные изображения подобных доспехов встречаются на рисунках конца XV в., выполненных знаменитым гератским художником Кемаль ад-Дином Бехзадом к рукописи «Зафарнаме», посвященной завоевательным походам Амира Тимура (см. илл. 2: 1–11).

Пластинчато-клепаные панцири на рисунках Бехзада показаны в виде длиннополых безрукавных халатов со сплошным осевым разрезом. Корпусная часть халата покрыта рядами заклепок, обычно сгруппированных по три (см. илл. 2: 1–8, 10)¹. Судя

¹ На то, что это именно заклепки, а не узоры на ткани, указывает их характерная форма и расположение на поверхности органической основы. Орнаментальные узоры на ткани знаме-

по изображениям и находкам «куяшных» панцирных пластин с территории Центральной Азии и Южной Сибири (см. илл. 2: 12), подобный функционально-декоративный способ размещения заклепок был весьма популярен в регионе в XIV–XVII вв. [Горелик 1983: 248, табл. II: 5, с. 253, табл. IV; Бобров, Худяков 2008: 367, 368, 369 (рис. 120: 10, 13), 371 (рис. 123: 7); Бобров, Ожередов 2021: 31, рис. 9].

Как и в описании Р. Г. де Клавихо, длинный подол тимуридских «бригандин» не имеет пластин панцирного подбоя¹, а большинство доспехов покрыто тканью различных оттенков красного цвета: от алого до бордового и пунцового (см. илл. 2: 3–6, 11). Встречаются также панцирные «покрышки» желтого, оранжевого, сиреневого, голубого, зеленого и других цветов (см. илл. 2: 1, 2, 7–9, 10)².

От обычных верхних халатов «куяки» на рисунках Бехзада отличаются не только наличием заклепок, но и особенностями покроя. Они либо вообще не имеют рукавов, либо снабжены очень короткими рукавами, прикрывающими лишь верхнюю часть плеча (см. илл. 2: 1–11)³. Особенно заметно это различие на тех изображениях, где «куяшники» показаны рядом с воинами, одетыми в обычные халаты (см. илл. 2: 9).

Отсутствие наплечников и бронированных рукавов у тимуридских «бригандин» нитый мастер передавал с помощью иных художественных приемов.

¹ Изображения заклепок на поверхности подола отсутствуют (см. илл. 2: 1–11).

² Стоит отметить, что в начале XV в. в составе армии Амира Тимура действовало так называемое «четырёхцветное войско», воины которого использовали доспехи и снаряжение определенного цвета (красного, зеленого, желтого и белого соответственно). Командовал этим корпусом любимый внук завоевателя — Мухаммад-Султан-бахадур [Бобров 2018: 36]. Весьма вероятно, что пластинчато-клепаные доспехи воинов указанных подразделений также были покрыты тканью перечисленных цветов.

³ Схожий покрой имели некоторые разновидности ойратских, монгольских, позднежурчжэнских и большинство минских «куяков» середины XVI–XVII вв. [Бобров, Ожередов, 2021: 40–45; 69, 70, 80, 81, 83, 85]. Однако в отличие от тимуридских «бригандин» их центрально- и восточноазиатские аналоги были снабжены бронированным подолом.

конца XV в. компенсировалось длинными пластинчатыми нарукавьями (см. илл. 2: 5) или активным применением круглых щитов-калканов (см. илл. 2: 1, 4, 7, 10). Предплечья воинов нередко защищали створчатые наручи (см. илл. 2: 2, 6).

По сравнению с гератскими аналогами ширазские миниатюры, датированные серединой XV в., несколько более схематичны, но и на них нередко встречаются изображения, которые могут быть интерпретированы как изображения интересующих нас пластинчато-клепанных доспехов (см. илл. 3: 1–13).

Последние представляют все тот же распашной халат с подолом до колен или до середины голени. Главное отличие покроя панцирных халатов ширазских миниатюр от их аналогов на рисунках Бехзада заключается в наличии коротких рукавов, не достигающих до локтя (см. илл. 3: 1–13). Поверхность корпусной части и рукавов «куяков» покрыта заклепками⁴. Последние расположены рядами или в шахматном порядке (см. илл. 3: 1, 2, 9–12), сгруппированы по три, как на гератских миниатюрах (см. илл. 3: 4, 5), или формируют «цветок» — одна заклепка в центре и несколько по периметру (см. илл. 3: 6–8, 13).

Последний вариант изображения можно было бы принять за художественную условность, если бы не находки подлинных панцирных пластин (см. илл. 3: 13), на поверхности которых заклепки были расположены в виде круга или упомянутого «цветка» [Бобров, Худяков 2008: 369, рис. 120: 6; Тюменское и Сибирское ханство 2018: 510, рис. 78, 2; Бобров, Зозуля 2021: 125, 126, илл. 5: 4]. Последний вариант оформления «хребтовых» пластин сохранился на ойратских и южносибирских «бригандинах» вплоть до XVII – первой половины XVIII вв. (см. илл. 3: 14).

На длинном подоле доспеха заклепки (а значит, и панцирные пластины подбоя) отсутствуют (см. илл. 3: 1–13). На некоторых изображениях небронированный подол и вовсе заправлен в широкие штаны-шалбары.

⁴ Декоративные узоры на ткани и коже обычно изображались ширазскими художниками иначе. См., например, орнаменты на поверхности налуча и колчана (см. илл. 3: 6, 7, 11), нагрудной части халата (см. илл. 3: 12) и подола (см. илл. 3: 8).

Илл. 2. Изображения пластинчато-клепанных доспехов «тимуридского типа», «Зафар-намэ» Шараф ад-Дина Али Йазди, Кемаль ад-Дин Бехзад, 90-е гг. XV в., Музей изящных искусств, г. Бостон (1–12), и панцирная пластина от «куяка» с тремя заклепками (13)

[Ill. 2. Images of 'Timurid-type' armors with riveted-in plates ('brigandines'): *Zafarnama* by Sharaf al-Din Ali Yazdi, Kamāl ud-Dīn Behzād, 1490s, Museum of Fine Arts, Boston (1–11); 12 — an armor plate of a 'kuyak' with three rivets (13)]

В ряде случаев «бригандины» дополнены в районе паха матерчатым сегментом трапециевидной формы (см. илл. 3: 6, 7). Этот элемент может быть интерпретирован как редуцированный панцирный «передник»¹, или как стилизованное изображение складок задранного подола «куяка».

Тимуридские «бригандины» на ширазских миниатюрах крыты тканью красного, синего, голубого, фиолетового, желтого, черного, зеленого и других цветов (см. илл. 3: 1–13). По краю рукавов и подола нередко пропущена кайма желтого цвета. В отдельных случаях матерчатая «покрышка» доспеха дополнительно украшена орнаментом. Узоры могли покрывать плечи и грудь «куяка» (см. илл. 3: 12) или формировали орнаментальную полосу в нижней части подола (см. илл. 3: 8).

Наличие бронированных рукавов делало ненужными длинные пластинчатые нарукавья. Шея и ключицы воина были дополнительно защищены бармицей шлема или кольчужным «ожерельем» (см. илл. 3: 1–13). Предплечье панцирника прикрывали створчатые наручи, часто дополненные пластинчатой защитой кисти (см. илл. 3: 1–3, 6–9, 11–13).

Проанализированные изобразительные материалы XV в. позволяют предположить, что под матерчатыми «faldas» («юбками») Р. Г. де Клавихо подразумевал длинные небронированные подола чагатайско-тимуридских «бригандин». Подобные матерчатые подола на доспехах были непривычны для взгляда европейца, что и обусловило их столь пространное описание в дневнике кастильского дипломата.

Рассмотренные материалы письменных и изобразительных источников играют важную роль при изучении подлинных образцов пластинчато-клепанных доспехов Тимуридского времени, происходящих с территории Средней Азии. Так, например, они позволяют уточнить конструкцию и покрой «куяка» XV в., найденного в ходе раскопок городища Шахрухия, расположенного к юго-западу от г. Ташкент. Большая часть найденных там пластин была атрибутирована исследователями как защита корпусной части панциря.

¹ Панцирные «передники» периодически встречались на азиатских доспехах с периода раннего Средневековья, а в Цинском Китае сохранились вплоть до XIX в.

При этом существенные сомнения вызвала принадлежность разрозненных пластин, которые могли относиться как к рукавам, так и к набедренникам. При этом последняя версия была обозначена публикаторами доспеха как более вероятная [Двуреченский и др. 2021: 260]. С учетом новых материалов дополнительные группы пластин с высокой степенью уверенности могут быть атрибутированы как элементы защитного покрытия коротких панцирных рукавов. Если доспех из Шахрухии имел длинный тканевый подол, то, скорее всего, он не имел подбоя из металлических пластин.

Изобразительные и письменные материалы позволяют также уточнить хронологические границы бытования пластинчато-клепанных доспехов с длинным небронированным подолом на территории интересующего нас региона. Как уже отмечалось выше, подобные панцири были в целом не характерны для передне- и среднеазиатской *паноплии* второй половины XIV в. Подлинные образцы «куяков» интересующего нас образца Р. Г. де Клавихо мог наблюдать во время посещения Самарканда осенью 1404 г. [Clavijo 1582: 59a], причем речь шла о новых доспехах, которые были изготовлены самаркандскими мастерами за те семь лет, что Амир Тимур не посещал Кок-Сарай [Клавихо 1990: 141]. Таким образом, описанные Р. Г. де Клавихо три тысячи пластинчато-клепанных панцирей с длинными небронированными подолами были выполнены в 1397–1404 гг. Большинство изображений подобных «куяков» датируются 30–90-ми гг. XV в.²

Приведенные выше сведения позволяют предположить, что массовое производство «бригандин» с небронированным подолом началось в конце XIV – начале XV в. и продолжалось вплоть до конца XV в. После завоевания Ирана Сефивидами, а Мавераннахра — кочевниками Шейбани-хана пластинчато-клепанные доспехи с длинным

² На более ранних миниатюрах такие доспехи встречаются редко. Однако это, возможно, обусловлено не слабым распространением подобных панцирей в регионе, а малочисленностью самих миниатюр, датированных первой четвертью XV в. Некоторые рисунки данного периода являются копиями миниатюр последней трети XIV в. и отображают военные реалии этого времени.

Илл. 3. Изображения пластинчато-клепаных доспехов «тимуридского типа» и азиатское защитное вооружение: 1–5 — шirazские книжные миниатюры, первая половина XV в.; 6–8, 13 — «Шах-наме» Фирдоуси, Шираз, 1435–1440 гг., Британский музей; 9–12 — «Зафар-намэ» Шараф ад-Дина Али Йазди, Шираз, 1436 г., Метрополитен, Нью-Йорк; 13 — панцирная пластина от «куяка» с шестью заклепками; 14 — наспинник центральноазиатского «куяка», ТАР КНР; 15 — кольчато-пластинчатый набедренный, Передняя Азия, XV в., Метрополитен-музей, Нью-Йорк

[Илл. 3. Images of 'Timurid-type brigandines' and Asian defensive weapons: 1–5 — Shiraz book miniatures, early-to-mid fifteenth century; 6–8, 13 — *Shahnameh* by Ferdowsi, Shiraz, 1435–1440, British Museum; 9–12 — *Zafarnama* by Sharaf al-Din Ali Yazdi, Shiraz, 1436, Metropolitan, New York; 13 — an armor plate of a 'kuyak' with six rivets; 14 — a back plate of a Central Asian 'kuyak', Tibetan Autonomous Regions, PRC; 15 — a mail-and-plate hip defense element, West Asia, fifteenth century, The Metropolitan Museum of Art, New York]

небронированным подолом вышли из широкого военного обихода населения Средней Азии и Хорасана.

Значительный интерес вызывает вопрос о причинах появления столь необычного варианта покроя пластинчатых панцирей. На наш взгляд, данный феномен обусловлен распространением на Мусульманском Востоке новой разновидности защиты нижних конечностей известной в оружейведении, как «дызлык-бутлук». Она состояла из трех основных элементов: кольчато-пластинчатого (в редких случаях кольчатого или ламинарного) набедренника («бутлук»), полусферического кованого наколенника («дызлык») и кольчатой или кольчато-пластинчатой лопасти прикрывавшей верхнюю часть голени (см. илл. 3: 15). По сравнению с традиционным панцирным подолом, составлявшим единое целое с корпусным панцирем, «дызлык-бутлук» отличались компактностью, эластичностью и меньшим весом. Данные факторы обусловили стремительное распространение новой разновидности набедренников на Мусульманском Востоке [Бобров, Худяков 2002: 134].

Появление «дызлык-бутлук» снижало актуальность длинных тяжелых панцирных подолов центрально- и восточноазиатского образца, которые стали постепенно выходить из широкого военного обихода Западной и Средней Азии. Однако военная мода в данном случае не успевала за изменениями конструкции доспехов. В результате подолы тимуридских «куяков» потеряли панцирный подбой, но сохранили матерчатую основу, тем более что последняя защищала стальную поверхность «дызлык-бутлук» от нагревания под жарким среднеазиатским солнцем (см. илл. 3: 8, 10–12).

Дополнительным подтверждением взаимосвязи нового варианта покроя «куяка» и нового типа защиты нижних конечностей являются тимуридские миниатюры XV в. В тех случаях, когда небронированный подол доспеха распахнут под ним, как правило, можно увидеть набедренники «дызлык-бутлук» (см. илл. 2: 1, 2, 4–10; илл. 3: 7).

Стоит отметить, что трансформация тимуридского комплекса защитного вооружения происходила крайне быстро. Самые ранние изображения кольчато-пластинчатых набедренников нового типа фиксируются на багдадской миниатюре 1396 г. [Гореп-

лик 1983: 246, 247, табл. I, рис. 3]. Уже через восемь лет Р. Г. де Клавихо мог наблюдать в Самарканде три тысячи пластинчато-клепаных «куяков» с длинным матерчатым подолом, лишенным пластинчатого подбоя.

В исторической перспективе подобное компромиссное решение среднеазиатских оружейников оказалось весьма удачным. Около столетия «куяки тимуридского типа» оставались одними из излюбленных разновидностей пластинчато-клепанных панцирей воинов изучаемого региона (см. илл. 2: 1–11; илл. 3: 1–13)¹.

6. Выводы

На основании комплексного анализа источников были выявлены некоторые особенности конструкции и покроя хулагуидских, чагатайских и тимуридских «куяков» XIV–XV вв.

Сопоставление археологических материалов монгольского времени с территории Южной Сибири и Центральной Азии с переднеазиатскими изобразительными источниками позволило предположить возможность бытования на данных территориях особой разновидности комбинированных «куяков», в которых часть пластин приклепывалась, а часть пришивалась к органической основе доспеха с ее внутренней стороны. Судя по тебризским миниатюрам, подобные клепано-нашивные панцири могли применяться воинами Хулагидского Ирана конца XIII – начала XIV вв. Есть основание полагать, что всесторонний анализ археологических материалов с территории Минусинской котловины, Монголии и сопредельных регионов позволит уточнить хронологические границы бытования комбинированных «бригандин» и на востоке континента. Однако данный вопрос требует дополнительного изучения. В исторической перспективе подобные клепано-нашивные доспехи могли являться связующим звеном между пластинчато-нашивными панцирями XIII в. и пластинчато-клепанными «бригандинами» более позднего периода.

¹ Традиционные разновидности «бригандин» центральноазиатского образца (с длинным бронированным подолом) также продолжали использоваться воинами Тимуридских государств, однако, судя по изображениям, на протяжении XV в. их удельный вес в комплексе защитного вооружения Передней и Средней Азии постепенно сокращался.

В ходе исследования получила подтверждение высказанная нами ранее гипотеза о бытовании в Тимуридских государствах особой разновидности пластинчато-клепаных доспехов, сочетающих бронированный корпус и длинный небронированный подол [Бобров, Худяков 2002: 111, 118, 114 (рис. 2: 9, 10), 147 (рис. 6: 1–3); Бобров 2003а: 76 (см. илл. 1–3), 77, 90; Бобров 2003б: 63]. Комплексный анализ письменных и изобразительных источников показал, что подобная разновидность «куяков» стала весьма популярной в Мавераннахре и Хорасане в конце XIV–XV в. В 1397–1404 гг. в самаркандском замке Кок-Сарай было изготовлено около трех тысяч подобных панцирей, которые Амир Тимур раздал своим приближенным. Многочисленные изображения «бригандин» с длинным небронированным подолом встречаются на тебризских и ширазских миниатюрах Тимуридского времени. Весьма вероятно, что именно эта разновидность пластинчато-клепаных доспехов XV в. была обнаружена в ходе раскопок городища Шахрухия (Ташкентский оазис). Если наша догадка верна, то разрозненные пластины, найденные отдельно от корпусной части «куяка», относятся не к набедреннику, как считалось ранее, а к панцирным рукавам.

Учитывая, что появление и распространение доспехов подобной конструкции в Мавераннахре, Фарсе и Хорасане совпало по времени с существованием империи Амира Тимура и его политических наследников, данную разновидность корпусного защитного вооружения можно, с некоторой долей условности, обозначить как пластинчато-клепаные доспехи («куяки», «бригандины») «тимуридского типа».

Их необычная конструкция и покрой были, вероятно, обусловлены распростра-

нением на мусульманском Востоке в конце XIV в. новой разновидности кольчато-пластинчатых набедренников («бутлук»), дополненных кованым наколенником («дызлык») и кольчатой или кольчато-пластинчатой лопастью для защиты верхней части голени. Появление «дызлык-бутлук» снизило актуальность больших бронированных панцирных подолов, унаследованных воинами региона от Чингизидской военно-культурной традиции XIII – середины XIV вв. В результате модернизации защитного покрытия подолы доспехов «тимуридского типа» лишились пластин панцирного подбоя, но сохранили органическую основу. В таком виде они продолжали активно применяться воинами региона вплоть до конца XV в. Длительность их бытования в тимуридской среде было, вероятно, обусловлено не только военной модой, но и утилитарными причинами — длинный матерчатый подол предохранял поверхность стальных набедренников от нагревания на солнце.

Вытеснение «куяков тимуридского типа» из широкого военного обихода являлось результатом развития оружейных технологий, а также сменой доминирующей в регионе военно-культурной традиции. Сокрушившие Тимуридские государства номады Мухаммеда Шейбани-хана и «кызылбаши» Сефевидов отдавали предпочтение кольчатой и кольчато-пластинчатой броне западноазиатского образца. Последняя и превратилась в доминирующую разновидность пластинчатого защитного покрытия панцирей мусульманского Востока XVI–XVII вв. В этих условиях роль пластинчато-клепаных доспехов в Мавераннахре и Хорасане существенно сократилась. Место «куяков тимуридского типа» заняли иные виды и типы корпусных панцирей.

Литература

- Артемьева, Прокопец 2012 — *Артемьева Н. Г., Прокопец С. Д.* Защитное вооружение чжурчжэньского воина // *Российская археология*. 2012. № 1. С. 129–142.
- Бобров 2003а — *Бобров Л. А.* Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV–XVII в.) (начало) // *Para-Bellum*. 2003. № 17. С. 71–102.

- Бобров 2003б — *Бобров Л. А.* Железные ястребы Мавераннахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV–XVII в.) (окончание) // *Para-Bellum*. 2003. № 18. С. 43–80.
- Бобров 2018 — *Бобров Л. А.* Военачальники чагатайской армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // *Тюркологические исследования*. 2018. Т. 1. № 3. С. 23–62.
- Бобров 2023 — *Бобров Л. А.* Чагатайские и ти-

- муридские панцирные нарукавья последней трети XIV – начала XVI в. и их дериваты // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 464–482.
- Бобров, Зозуля 2022 — *Бобров Л. А., Зозуля С. С.* Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного Исторического музея // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2022. Т. 21. № 5: Археология и этнография. С. 115–130. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Филиппович 2023 — *Бобров Л. А., Филиппович Ю. А.* Пластинчатые нарукавья-хараччи XIV – середины XV вв. из Шушенского района Красноярского края // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. С. 99–120.
- Бобров, Худяков 2002 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // *Военное дело номадов Северной и Центральной Азии: сб. ст. / под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева*. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 106–168.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак-т филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Горелик 1983 — *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: мат-лы юбил. науч. конф. (г. Москва, 8–10 сентября 1980 г.) / редкол.: Б. А. Рыбаков (отв. ред.) и др. М.: МГУ, 1983. С. 244–269.*
- Горелик 1987 — *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // *Археология, этнография и антропология Монголии: сб. ст. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж*. Новосибирск: Наука, СО, 1987. С. 163–208.
- Двуреченский и др. 2021 — *Двуреченский О. В., Гладченков А. А., Арипджанов О. Ю., Двуреченская Н. Д.* Доспех из городища Шахрухия // *Краткие сообщения Института археологии*. 2021. Вып. 263. С. 253–262.
- Жизнь и деяния 1881 — *Жизнь и деяния великого Тамерлана. Сочинение Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук / под ред. И. И. Срезневского. Т. 28. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1881. С. 1–455.*
- Клавихо 1990 — *Клавихо Р. Г.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М.: Наука, 1990. 211 с.
- Сунчугашев 1979 — *Сунчугашев Я. И.* Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, СО, 1979. 192 с.
- Тюменское и Сибирское ханства 2018 — *Тюменское и Сибирское ханства*. Казань: Казан. ун-т, 2018. 560 с.
- Худяков 1980 — *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, СО, 1980. 176 с.
- Худяков 1997 — *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 1997. 159 с.
- Clavijo 1582 — *Clavijo R. G.* Vida y hazañas del Gran Tamorlán, con la descripción de las tierras de su imperio y señorío. Sevilla: Encasa de Andrea Pescioni, 1582. 69 p.
- Clavijo 1928 — *Clavijo R. G.* Embassy to Tamerlane 1403–1406. Introduction and Comment / by G. Le Strange. London: G. Routledge, 1928. 375 p.
- Gorelik 1979 — *Gorelik M.* Oriental Armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in Works of Art // *Islamic Arms and Armour / ed. by R. Elgood*. London: Scolar Press, 1979. Pp. 30–63.

References

- Artemyeva N. G., Prokopets S. D. Armour of the Jurchen warrior. *Rossiyskaya arkheologiya*. 2012. No. 1. Pp. 129–142. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Armor. In: Maslyuzhenko D. N., Sitdikov A. G., Khairutdinov R. R. (eds.) *Tyumen and Siberian Khanates*. Kazan: Kazan Federal University, 2018. Pp. 223–231. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Chagatai and Timurid plated armguards of the late 14th to early 16th centuries and their derivatives. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 464–482. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-464-482
- Bobrov L. A. Commanders of the army of Amir Timur in the Battle of Condurchi (1391). *Turkological Studies*. 2018. Vol. 1. No. 3. Pp. 23–62. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Iron hawks of Transoxiana: Armour sets of warriors in Central Asia and adjacent territories, late 15th – 17th centuries AD. Part 1. *Pa-*

- ra-Bellum*. 2003. No. 17. Pp. 71–102. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Iron hawks of Transoxiana: Armour sets of warriors in Central Asia and adjacent territories, late 15th – 17th centuries AD. Part 2. *Para-Bellum*. 2003. No. 18. Pp. 43–80. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Filippovich Yu. A. Plate bracers *kaharabchi* of 14th – mid 15th centuries from the Shushensky district of Krasnoyarsk region. *Universum Humanitarium*. 2023. No. 1. Pp. 99–120. DOI: 10.25205/2499-9997-2023-1-99-120
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Central Asian armour in the Late Middle Ages. In: Khudyakov Yu. S., Skobelev S. G. (eds.) *Military Science of Northern and Central Asian Nomads. Collected papers*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2002. Pp. 106–168. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Central Asia and South Siberia: Weaponry and Tactics of War in the Late Medieval Ages and Early Modern Era, 15th – Mid-18th Centuries. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian ‘Kuyak’ Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Zozulya S. S. Armor plates from the excavations of V. V. Radlov in the collection of the State Historical Museum. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2022. Vol. 21. No. 5. Pp. 115–130. (In Russ.) DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130
- Clavijo R. G. Embassy to Amir Timur’s Court in Samarkand, 1403–1406: Travel Notes. Moscow: Nauka, 1990. 211 p. (In Russ.)
- Clavijo R. G. Embassy to Samarkand, 1403–1406: Life and Deeds of Tamerlane the Great. In: Sreznevsky I. I. (ed.) *Proceedings of the Russian Language and Linguistics department, Imperial Academy of Sciences*. Vol. 28. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1881. Pp. 1–455. (In Russ.)
- Clavijo R. G. Embassy to Tamerlane, 1403–1406. G. Le Strange (introd., comment.). London: G. Routledge, 1928, 375 p. (In Eng.)
- Clavijo R. G. Vida y hazañas del Gran Tamorlán, con la descripción de las tierras de su imperio y señorío. Seville: A. Pescioni, 1582. 69 p. (In Span.)
- Dvurechenskiy O. V., Gladchenkov A. A., Aripdzhanov O. Yu., Dvurechenskaya N. D. Plate armor from the Shakhrukhiya hillfort. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii – KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 2021. Vol. 263. Pp. 253–262. (In Russ.)
- Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. In: Elgood R. (ed.) *Islamic Arms and Armour*. London: Scolar Press, 1979. Pp. 30–63. (In Eng.)
- Gorelik M. V. Mongol (Tatar) armour: Mid-14th to early 15th century. In: Rybakov B. A. et al. (eds.) *The Battle of Kulikovo in Our National History and Culture. Conference proceedings (Moscow, 8–10 September 1980)*. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1983. Pp. 244–269. (In Russ.)
- Gorelik M. V. One early Mongolian armour set, 9th to mid-14th centuries: [A review]. In: Derevyanko A. P., Natsagdorj Sh. (eds.) *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia. Collected papers*. Novosibirsk: Nauka, 1987. Pp. 163–208. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S. Weaponry of South Siberian and Central Asian Nomads in the High Middle Ages. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 1997. 159 p. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S. Weaponry of the Yenisei Kyrgyz, Sixth–Seventh Centuries AD. Novosibirsk: Nauka, 1980. 176 p. (In Russ.)
- Sunchugashev Ya. I. Metallurgy in Iron Age Khakassia. Novosibirsk: Nauka, 1979. 192 p. (In Russ.)

